

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ

А. А. БЕЛИМОВА

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ В КАТАЛОНИИ СУДЬБА ОДНОЙ СГОРЕВШЕЙ РУКОПИСИ

В статье рассматривается проблема датировки текста Первых Рипольских анналов, которые традиционно считаются в каталонистике наиболее древним из местных исторических нарративов. Автор показывает, что каталонская историография имеет тенденцию искусственно занижать хронологические рамки их составления, и доказывает, что эта тенденция противоречит источниковедческому анализу текста.

Ключевые слова: *средневековая Каталония, Первые Рипольские анналы, Alterum chronicon Rivipullense, историописание, монастырь Риполь*

Имманентен ли интерес к истории человеческому сознанию или складывается в определенный момент развития общества? И насколько уместно говорить о «рождении истории» народа или государства? Эти философские, по сути, вопросы, не раз становились предметом рефлексии историков. Как иначе понять и концептуализировать исторические сочинения прошлого: свидетельствуют ли они в пользу пробуждения интереса к собственной истории у той или иной социальной группы, или же являются лишь новой формой данного интереса, формой письма, текста? И с чем связано возникновение этой формы? С другой стороны, какую оценку дать историческим сочинениям, созданным до возникновения государства? Как мы, историки современности, должны оценивать и исследовать формирование исторической памяти того или иного народа, создание канона знаний о прошлом, заложенного в древности? С подобными вопросами я столкнулась в ходе исследования раннего каталонского историописания. Проблема «рождения истории» Каталонии тесно связана с датировкой т.н. *Первых Рипольских анналов*¹, которые считаются в каталонистике древнейшим памятником местной историографии. Их манускрипт был утрачен еще в XIX веке. В настоящей статье сделана попытка деконструировать вопрос возникновения историографии в Каталонии, отделив достоверные факты о *Первых Рипольских анналах* от гипотез, в разное время выдвигавшихся медиевистами.

На территории современной Каталонии, где после франкской реконкисты (конец VIII – начало IX в.) сложилось около десятка различ-

¹ *Annales de Ripoll I, Alterum chronicon Rivipullense* – это и последующие латинские названия были даны памятникам Ж. Вильянуэвой, испанским эрудитом XIX в., при издании (или упоминании) в его многотомном сборнике выписок и транскрипций из манускриптов испанских церквей и монастырей: Villanueva 1803-1852.

ных политий, традиция ведения исторических сводов появляется достаточно поздно. Современные исследователи отмечают общую скудность историописания, характерную для этого региона². До конца X в. здесь создаются лишь немногочисленные списки франкских и готских королей, да вносятся редкие пометки по истории на поля Вестготской правды³. Рождение собственно «истории» каталонистика датирует обычно концом X в., когда, согласно общепринятой гипотезе, создается свод *Первых Рипольских анналов*. Но внимательный взгляд на данный памятник позволяет заметить шаткость такой датировки, которая в новейшем (2017 г.) компендиуме по истории Арагонской Короны в Средние века преподносится уже не как гипотеза, но как доказанный факт⁴.

Для начала несколько слов о *Рипольской семье анналов*, памятники которой считаются старейшими историческими сочинениями, составленными на территории современной Каталонии и потому относятся к раннему «каталонскому» историописанию. Они происходят из монастырских и городских центров: монастырей Санта-Мария де Риполь, Сен-Виктор де Марсель, архивов Тортосы, Роды. К *Рипольской семье* относят, как правило, шесть текстов: *Первые Рипольские анналы* (*Chronicon alterum Rivipullense*, *Rivipullense I*), *Вторые Рипольские анналы* (*Chronicon Rivipullense (Rivipullense II)*), *Анналы Роды* (*Alterum chronicon Rotense*), *Вторые анналы Тортосы* (*Chronicon Detusense II*), *Анналы аббатства Сен-Виктор де Марсель* (*Petita chronica de Marsella*)⁵ и *Memoria renovata comitum et episcoporum Ripacurensum*. Испанский исследователь Ф. Баутиста недавно обнаружил среди записей испанского эрудита XVI в. и официального хрониста Арагонского королевства Х. Суриты, копию еще одного фрагмента Рипольских анналов, не совпадающую ни с одним из перечисленных памятников. Манускрипт текста, названного Баутистой при издании *Annales Rivipullenses ad annum 1222*, был, по видимому, утрачен еще до начала XVII в.⁶ В совокупности памятники *Рипольской семьи анналов* охватывают период от начала христианской (или испанской) эры до 1302 г. (в случае со *Вторыми Рипольскими анналами*) или до 1543 г. (в случае с *Анналами аббатства Сен-Виктор де Марсель*). Остальные тексты *Рипольской семьи* имеют гораздо более скромные хронологические масштабы. Обычные трудности с установлением связей между анналами одной семьи (свободное копирование средневековыми писцами чужого текста или его изменение при создании копии; использование одних и тех же источников – списков пап и

² Bisson 1990. P. 281-282.

³ Мнения относительно того, насколько оправданно включать сочинения такого жанра в историописание разнятся: Мереминский 2010. С. 18-25; 2016. С. 16.

⁴ The Crown of Aragon 2017. P. 140.

⁵ См. об этом: Филиппов 2011.

⁶ Bautista 2017. P. 12.

императоров, некрологов и мартирологов) в данном случае усложняются еще и утратой оригиналов, в т.ч. при пожаре в монастыре Риполь в 1835 г. В связи с этим вопрос об архетипе *Рипольской семьи* остается открытым, несмотря на установившийся консенсус относительно оценки *Первых Рипольских анналов* как наиболее древнего памятника⁷.

Перейдем собственно к проблеме *Первых Рипольских анналов* и «рождению истории» Каталонии. Манускрипт памятника, о котором здесь идет речь, как отмечено выше, безвозвратно утерян – сгорел при пожаре в 1835 г. Текст анналов сохранился лишь в транскрипции начала XIX в., сделанной Ж. Вильянуэвой и опубликованной в его обширном труде «*Viage literario a las iglesias de España*»⁸. Эта транскрипция носит во многом иллюстративный характер и не может сравниться с современным научным изданием. В первую очередь, она лишена справочного аппарата: отсутствуют комментарии, описание (и даже название) кодекса, сведения о писцах и времени их работы. Кроме того, непонятно, был ли транскрибирован весь текст или только его часть. В духе своего времени Вильянуэва исправил грамматику в соответствии с нормами классической латыни. Содержащиеся в тексте ошибки идентифицировать невозможно в связи с отсутствием комментариев транскриптора. Неясно, были ли они результатом работы средневекового писца или же самого Вильянуэвы? Все эти соображения не мешают современным исследователям связывать возникновение историописания на каталонских землях с созданием *Первых Рипольских анналов*. Их аргументация⁹ отталкивается от одной из редких пометок, сделанных Вильянуэвой в подготовленной им публикации. Текст *Первых Рипольских анналов* начинается с 27 г. и заканчивается 1191 г. Подробнее всего изложены события второй половины XI–XII в. При этом эрудит напротив записи от 985 г. добавляет, что часть текста после 984 г. написана более поздней рукой¹⁰. Используя этот факт, исследователи связывают прекращение работы над анналами с событиями в графстве Барселонском в 985–988 гг., когда кордовский военачальник аль-Мансур берет Барселону, а граф Боррель II (947–992) отказывается возобновить вассальную присягу новому франкскому королю Гуго Капету. Из сочетания этих данных родилась стройная гипотеза, в соответствии с которой свод синхронно пополнялся до 984 г., а затем был заброшен на неопределенный срок.

Французский ученый М. Зиммерманн сформулировал нашумевшую гипотезу о радикальном разрыве в самосознании и самоидентификации местного населения в связи с травматичным опытом захвата Бар-

⁷ Cingolani 2012. P.20.

⁸ Villanueva 1806. T. V, P. 241-249.

⁹ Coll i Alentorn 1951-1952; Zimmermann 1980; Bisson 1990; Salrach 1995; Cingolani 2012; Aurell 2012.

¹⁰ Ibid. P. 244: Haec, et quae sequuntur recentiori manu notata sunt.

селоны. По его мнению, этот опыт привел в конце X в. к прекращению ведения свода *Первых Рипольских анналов*, который приблизительно в конце XII в. был закончен и записан как единый текст одним автором¹¹. Несмотря на возражения Т. Биссона и С. Чинголани, которые отрицают решающее влияние 985 г. на местную историографию и выступают против такого длительного перерыва¹², Баутиста развивает предложенную Зиммерманом концепцию «рождения истории». Он считает, что для текстов из Роды и Уржеля (т.е. в *Анналах Роды и Memoria renovata*) характерно стремление начинать историю каталонских графств с 985 г.¹³

Идея о становлении «независимой» власти каталонских графов после 988 г. (оно рассматривается обычно как прямое следствие захвата Барселоны), оказалась, таким образом, связана с возникновением исторической памяти «каталонского народа» и записью его истории. Даже для тех, кто не согласен с идеей радикального разрыва с прошлым после 985 г., «рождение истории» Каталонии остается современным эпохе Борреля II, ненадолго предвосхищая «отделение» от Франкского королевства. Поэтому считается, что *Первые Рипольские анналы* отражают утверждение власти графов Барселонского дома в эпоху хронистов.

Так, Ж. Сальрак говорит о трех различных фазах, когда в тексте *Первых Рипольских анналов* происходит изменение перспективы и сужение или расширение пространства. После первой фазы «всеобщей» истории наступает фаза каролингской истории, начинающейся с приходом сарацинов на Пиренейский полуостров. В конце IX в. она переходит в фазу «каталонизации», когда свод замыкается на местных сведениях по церковной и политической истории в связи с началом процесса эмансипации графов Барселонского дома. В этот момент события в королевстве франков и других пиренейских политиях отходят на второй план¹⁴. Сальрак анализирует текст как нечто, существующее вне времени и пространства: не делая предположений, когда и при каких обстоятельствах могли быть внесены записи, он лишь пересказывает содержание *Первых Рипольских анналов*, ограничиваясь очевидной хронологией: 980 гг. для начала свода и 1190-ми – для конца. Этот сложный замысел трансляции власти, выраженный в своде через три фазы истории, становится, поэтому, творением эпохи самого Борреля II. О противоречиях, которые порождает такое временное отождествление, будет сказано ниже.

Итак, то, что *Первые Рипольские анналы* созданы в конце X в. признается каталонистикой как доказанный факт. Однако отсутствие информации о шрифте, которым пользовался летописец, при этом игнорируется. Не принимается во внимание и то, что далеко не всегда автор

¹¹ Zimmermann 1980. P. 207-9.

¹² Bisson 1990. P. 288-289; Cingolani 2012. P. 31.

¹³ Bautista 2009. P. 165.

¹⁴ Salrach 1995. P. 25-26.

доводит свое повествование до современности. Здесь уместно провести параллели со *Вторыми Рипольскими анналами*. В этом своде лишь пятый писец писал о современной ему эпохе (конец XIII – начало XIV в.). В отличие от него, все прочие писцы работали с прошлым, отбирая интересные для них события из других письменных источников.

Так, благодаря палеографическим данным, стало известно, что первый писец, чья манера письма характерна для конца XII в., по неясной причине завершил работу на 659 г. Второй и третий писцы, вероятно его младшие современники, писавшие, судя по почерку, в начале XIII в., продолжили свод и довели повествование до 711 г. (четвертый писец вносит лишь две даты – записи за 699 и 711 гг.) Однако затем работа над *Вторыми Рипольскими анналами* прекратилась на долгие годы. За их продолжение в конце XIII в. взялся писец, который довел анналы до современной ему эпохи (1302). Таким образом, здесь мы сталкиваемся с примером легко идентифицируемой «палеографической границы»¹⁵, такой же, какая была, по-видимому, в *Первых Рипольских анналах*.

Остановимся подробнее на существующих гипотезах о времени и обстоятельствах создания *Первых Рипольских анналов*. М. Колл-и-Аленторн считает, что анналы *Рипольской семьи* происходят из монастыря Сан-Мишель де Куша. Он датирует их эпохой аббата Куши Гари (965–996) и графа Сердани Олибы Кабрета (968–988). Его аргументация основана на том, что в тексте Вильянуэвы отмечено, что ряд записей о внутренней истории Риполя (888, 935, 970, 978 и 979) вписаны другой рукой, причем рукой первого автора была внесена запись об освящении капеллы св. Жерма и строительстве базилики св. Мишеля в Куше. Ссылаясь на то, что до 1030–1040-х гг. текст очень лаконичен, и почти все записи являются некрологами, Колл-и-Аленторн предполагает, что свод попадает в Риполь ок. 1032 г., когда Олиба был аббатом обоих упомянутых монастырей. Наконец, он обращает внимание на факт записи в анналах даты начала правления графа Сунифреда из Сердани, который был протектором монастыря в Куше (в других случаях о местных каталанских правителях сообщают только дату смерти)¹⁶.

Таким образом, М. Колл-и-Аленторн, полагаясь только на вторичные сведения, которые могут быть интерпретированы по-разному, предлагает сразу две датировки этапов составления памятника, связывая их с эпохой расцвета двух монастырей — Куша и Риполя.

¹⁵ Я использую здесь термин, предложенный Т.В. Гимомом. Под «палеографической границей» он предлагает понимать «любой визуально наблюдаемый рубеж в рукописи, который может представлять собой смену почерка, видоизменение почерка, смену чернил, смену пера или одновременное изменение по любым двум или трем из этих параметров»: Гимон 2012. С. 328.

¹⁶ Coll i Alentorn 1951–1952. P. 156–157.

Эти гипотетические рассуждения были некритически восприняты последующими исследователями¹⁷. Несмотря на то, что С. Чинголани, впервые издавший полное собрание анналов *Рипольской семьи* (в т.ч. и утраченного *Alterum chronicon Rivipullense* на основании подкорректированного издания Вильянуэвы с комментариями), упоминает о проблеме с датировкой *Первых Рипольских анналов*, его заботит в первую очередь то, как дополнялся текст *после* 985 г. Но издатель предлагает пересмотреть дату появления манускрипта *Первых Рипольских анналов* в Риполе, а с ней и этапы его составления. Он обращает внимание на почти полувековой разрыв между предложенной Коллом-и-Аленторном датой создания манускрипта из Куши (ок. 984) и его перемещением и последующим дополнением в Риполе (ок. 1032). В этом случае остается непоясненным вопрос, почему текст не продолжали в 985–1032 гг.? Объясняя эту лауну Чинголани предположил, что манускрипт оказался в Риполе уже в 984–988 гг., когда оба монастыря находились под покровительством графа Олибы Кабрета. По его мнению, многочисленные упоминания святых мучеников, мощи которых хранились в Куше или Риполе, говорят о том, что сразу после этого свод был дополнен информацией из местного мартиролога. В тот момент анналы, возможно, вставили в пасхальные таблицы, чем Чинголани объясняет то, что в первой части свода рука писца не изменяется. Другие сведения по локальной истории монастыря были внесены позднее, что отметил Вильянуэва. Таким образом, по Чинголани, анналы Куши были дважды доработаны в Риполе еще в конце X в.¹⁸ Чинголани надстраивает над гипотезой о 984 г. как моменте создания анналов еще две: о вставке текста в пасхальные таблицы и дополнении сведениями из мартиролога.

На это уместно привести несколько возражений помимо упомянутых выше. Как я уже писала, не существует никаких убедительных доказательств того, что анналы действительно были составлены ок. 984 г., а не записаны позднее и доведены до этой даты по какой-то неясной причине (возможно, в связи со смертью писца). Важнее всего то, что сам текст частично противоречит такой датировке. Баутиста, придерживающийся традиционных взглядов о времени составления *Первых Рипольских анналов*, обращает внимание на ряд сведений, которые должны были быть внесены в текст позднее в связи с заимствованием их из *Анналов Аньяна (Annales Anianenses)*. Эти анналы каролингского времени, являющиеся особенно ценным источником для периода 818–840 гг., сохранились только в поздних списках XI в. Сведения об исламской конкисте, осаде Нарбона и завоевании Жироны Карлом Великим, судя

¹⁷ С ней согласны практически все исследователи памятника: Bisson 1990. P. 288; Salrach 1995. P. 18-19; Aurell 2012. P. 114.

¹⁸ Cingolani 2012 P. 29-30.

по совпадению формулировок, заимствованы из этого источника. Его копия (Paris, Bibliothèque Nationale, lat. 5941, XII в.) была в Риполе, и долгое время считалось, что манускрипт был скопирован в скриптории самого монастыря. Однако в современной науке принято считать местом его создания монастырь Св. Марии в Арль-сюр-Тек (Arles-sur-Tech, деп. Восточные Пиренеи, Франция)¹⁹ и датировать его ок. 1070 г.

В связи с этим Ф. Баутиста предполагает, что манускрипт *Анналов Аньяна* мог попасть в Риполь не раньше конца XI в. Но это ценное наблюдение он списывает на факт позднейшего включения этих сведений в *Рипольские анналы* (хотя в транскрипции Ж. Вильянуэвы они не помечены особо, как другие вставки)²⁰. Т. Биссон высказывает гипотезу, что летописец из Куши работал с более ранним манускриптом *Анналов Аньяна*²¹ (что, конечно, тоже зыбко, поскольку основано на другом предположении – датировке *Первых Рипольских анналов*; его невозможно доказать ввиду отсутствия информации о создании и традиции переписывания *Анналов Аньяна*). Таким образом, еще одно свидетельство в пользу необходимости пересмотра времени создания *Первых Рипольских анналов* интерпретируется так, чтобы сохранить status quo.

Если обратиться к тексту, можно сделать еще ряд важных наблюдений. М. Колл-и-Аленторн уже обратил внимание на то, что записей до конца 1040-х гг. не очень много, и они довольно лаконичны²². Эта часть анналов также географически очень ограничена: до 984 г. здесь упоминается всего несколько графов Безалу и Сердани, и один граф Барселонский – Вифред, дата смерти которого указывает на Вифреда Борреля (хотя для каталонского историописания характерна путаница дат смерти Вифреда Волосатого (870–897) и его сына Вифреда Борреля (897–911). Такая скудость сведений и узкий кругозор летописца могут свидетельствовать о ретроспективном внесении записей. В своде такого масштаба, начинающем историю со времен Понтия Пилата, Отцов Церкви и христианских мучеников, довольно странно не увидеть более подробных записей о предположительно современной составителю эпохе.

Так, пятый писец, работавший с текстом *Вторых Рипольских анналов* и писавший о современных событиях, упоминает не только королей Арагона и Кастилии и римских пап, но и гораздо менее значимых лиц: виконтов де Фуа, виконтов де Кабрера, графов Пальярса и Ампурьяса и др. Это различие может объясняться тем, что двух летописцев (создателя первой части *Первых Рипольских анналов* и создателя финальной части *Вторых Рипольских анналов*) разделяет три века, и они в разной сте-

¹⁹ Dufour 1972. P. 145

²⁰ Bautista 2017. P. 16.

²¹ Bisson 1990. P.285.

²² Coll i Alentorn 1951-1952. P. 157.

пени умеют писать историю. Иными словами, в разной степени владеют мастерством историка, по-разному оценивают необходимую полноту сведений о прошлом, которые необходимо записать. Но это лишь возвращает нас к вопросам, поставленным в начале этой работы.

Мысль о «рождении истории» предполагает, что есть народы, у которых нет истории и интереса к прошлому²³. Взгляд на историографию как на линейную последовательность форм, в которой простейшие погодные записи или царские списки сменяются пространными историческими описаниями, противоречит самой логике развития человеческого общества. В каком-то смысле даже первобытный человек, рисуя на скалах, уже создает «историю»: он отображает окружающую его действительность и события, участником которых он был, будь то сцены охоты или обрядов. Интерес к истории имманентен человеку, изменяются лишь формы выражения этого интереса. При этом задолго до X в. создаются сложнейшие по замыслу и композиции сочинения о прошлом, самый очевидный пример – Библия. Поэтому любой летописец из Риполя не просто «создает» местную историю, даже если первым берется за калам. Он опирается на модели описания прошлого, уже знакомые ему, а, значит, имеет представление, как именно пишется история, в каких формах, с помощью каких языковых средств. Он также напрямую пользуется трудами своих предшественников, включая интересные ему сведения в свой текст: среди источников *Рипольской семьи анналов* – хроники Евсевия-Иеронима, Исидора Севильского и Беда. В этой связи утверждение о линейном развитии жанров историописания в локальной историографии теряет всякий смысл: жанры историографии не могут развиваться автономно от создателей текстов о прошлом, как нечто абстрактное. Эти «письменные сообщения-интерпретации... не существуют как самостоятельные объекты, но являются продуктом дискурса»²⁴. Их авторы воспринимают в процессе социализации и обучения весь накопленный опыт описания прошлого и опираются на него. Поэтому объяснение «лаконичности» анналов или царских списков и «пространности» хроник и историй следует искать в иной плоскости, нежели в степени «развития» исторического нарратива общества. Разница форм историописания может быть связана, с одной стороны, с различными целями составления сочинений, а, с другой стороны, с разной степенью информированности о материале, но не о форме.

Вернемся к тексту *Первых Рипольских анналов*. При изначально небольшом количестве записей за 985–1038 гг. вообще, только две из них сообщают не о смерти. Любопытно, что одна из них²⁵, датированная

²³ Ср.: Вейнберг 1993. С. 6; Варьяш 2013. С. 317.

²⁴ Репина 2006. С. 26.

²⁵ *Annals de Ripoll* I. Anno MII. Oliba comes factus est monachus.

1002 г. сообщает, что «граф Олиба становится монахом», – абсолютно исключительная для *Первых Рипольских анналов* информация. Широко известно, какое огромное значение для истории Рипольской обители имел этот человек, прославившийся не только как аббат и епископ, но и как поэт, историк и общественный деятель, оставивший после себя богатое эпистолярное, богословское и поэтическое наследие. Однако информацию о том, что он принял постриг в Риполе, никак не мог включить в анналы современник этого события. Должно было пройти время, чтобы появился интерес и стремление внести эту дату в историю монастыря, поскольку для текста такая информация совершенно нетипична. Человек, включивший это сообщение, должен был иметь представление о роли аббата Олибы в рипольской истории, однако при этом он должен был знать, когда произошло это событие.

В связи с этим можно предположить, что все записи как минимум до 1030-1040х гг. были внесены диахронически. Этим объясняется их краткость, а также то, что текст говорит почти исключительно о смерти: практически нет записей о других сюжетах, например, о природных явлениях. Такое объяснение не противоречит пометке Вильянуэвы о более поздней руке писца и снимает вопросы к лаконичности текста в изложении событий вплоть до середины XI в. Саму же пометку проще объяснить, не прибегая к поискам параллелей между историческими событиями и гипотетическими этапами составления *Первых Рипольских анналов*. Если абстрагироваться от сложившихся в научной критике гипотез, то запись Вильянуэвы значит только, что в составлении текста анналов был *значительный перерыв*. Перерыв такой длительности, что за это время изменился шрифт, которым пользовались писцы. Это дало основания транскриптору связать его с более поздним периодом. Другие особенности текста также согласуются с таким объяснением.

Так, обращает на себя внимание запись о завоевании крестоносцами Иерусалима, датируемая автором 1063 г.²⁶ Здесь путаница датировки по испанской и христианской эрам говорит о том, что, как минимум эта, а, возможно, и некоторые предшествующие ей записи, сделаны уже в XII в. Автору записи неизвестна дата завоевания Иерусалима, а также связь его с Клермонским собором, который записан в тексте тридцатью годами позже²⁷. Очевидно, он не был его современником, и внес сообщение об Иерусалиме спустя минимум 25-30 лет после завоевания. Также можно предположить, что запись является более поздней вставкой по отношению к остальной части текста второй половины XI в., которую записал современник событий. В таком случае отсутствие на по-

²⁶ Annals de Ripoll I. Anno MLXIII. Obiit Ranimirus rex. Et fuit captum castrum Dasens. + Capta fuit civitas Ierusalem a christianis mense augusti.

²⁷ Annals de Ripoll I. Anno MLXXXVI. Concilium Urbani papae.

ложенном ей месте (1099 г.) записи о взятии Иерусалима более чем удивительно, учитывая огромный интерес в монастыре к крестоносному движению. В Риполе тщательно собирались известия и переписывались сочинения, прославляющие деяния крестоносцев, а графы Барселонские в составленной в монастыре генеалогии (*Деяния графов Барселонских*) были представлены как защитники Христовой веры и борцы с сарацинами. Таким образом, запись от 1063 г. вряд ли является поздней вставкой: в этом случае непонятно, почему она не была внесена ранее.

Стоит отметить, что соседние записи, повествующие о местных и франкских правителях и епископах, датированы абсолютно правильно. Кроме того, в *Анналах Роды* и *Вторых Рипольских анналах* эта ошибка отсутствует, и дата первого крестового похода находится на положенном ей месте. По-видимому, автор этой части *Первых Рипольских анналов* нашел информацию о завоевании Иерусалима в каком-то источнике и решил, что тот датируется в соответствии с испанской, а не христианской эрой. Он «отнял» лишние года и поместил первый крестовый поход среди событий 1060-х гг.²⁸ При составлении других текстов *Рипольской семьи* могли использоваться иные источники, либо сами эти сочинения были составлены **раньше** *Первых Рипольских анналов*. В любом случае, необходим пересмотр традиционных датировок и прояснение отношений между текстами *Рипольской семьи*.

Есть мнение, что Ж. Вильянуэва не разобрался в испанской и христианской хронологии и поместил при транскрипции некоторые события не на положенном им месте. В частности, такое объяснение путаницы в хронологии предлагает С. Чинголани²⁹. Однако, несмотря на то, что доподлинно неизвестно, в каком именно кодексе находились *Первые Рипольские анналы* и к какому типу их следует относить³⁰, большинство исследователей склоняется к тому, что это были пасхальные анналы. Сам Вильянуэва после своей транскрипции *Первых Рипольских анналов* добавляет: «вслед за этими записями следует пасхальный календарь до 2051 года эры, или 2013 года от Р.Х.»³¹. Поэтому ошибка со стороны Вильянуэвы исключена: копируя страницу за страницей пометки к пасхальному календарю, расположенному хронологически и про-

²⁸ Нужно заметить, что автор «отнял» от нужной даты всего 36 лет, а не 38, как это положено согласно испанской эре.

²⁹ Singolani 2012 P. 33.

³⁰ М. МакКормик в обобщающей работе о жанре средневековых анналов выделяет четыре типа: 1) т.н. «пасхальные» анналы – заметки, нанесенные на поля таблиц по расчёту Пасхи 2) «младшие» анналы – автономные от пасхальных таблиц краткие хронологические записи 3) «старшие» анналы – пространные погодные записи 4) «независимые» анналы – случайные заметки, как правило, состоящие всего из нескольких записей, вынесенных на поля других сочинений: McCormick 1975.

³¹ Villanueva 1806. T. V, P. 249.

должающемуся от Рождества Христова, транскриптор, правильно пересчитав запись о смерти арагонского короля Рамиро I (1035–1063), просто не мог ошибиться с датой первого крестового похода, которая должна была находиться на той же странице и в той же ячейке. Если же она находилась на другой странице, то гипотеза вовсе теряет смысл: ведь все соседние записи у Виллануэвы расположены хронологически верно.

Наконец, можно предположить, что утраченный манускрипт *Первых Рипольских анналов* являлся более поздней копией написанного ранее текста, и ошибку следует считать результатом работы средневекового писца. Но и этот вариант не исключает высказанной критики устоявшейся датировки: если архетип этой рукописи писался синхронно в конце XI в., почему запись отсутствует на положенном ей месте? Если ошибка присутствовала уже в архетипе, поскольку он удален по времени от события, то каким временем стоит датировать копию и архетип? Аргументация в пользу древности текста становится еще менее весомой. Тем более, что такое объяснение предполагает, что существовал еще один манускрипт, неизвестный нам по сохранившимся каталогам, который был утрачен. И если известный нам текст *Первых Рипольских анналов* не был оригиналом, значит, все сложившиеся в науке датировки, в т.ч. 984 г., в корне неверны... Интересно, что каталонский исследователь Ж. Сальрак, игнорируя все эти возражения, трактует эту ошибку лишь как «ложный слух», проникший в монастырь извне³².

Таким образом, мы сталкиваемся с еще одним потенциальным разрывом в ведении летописных записей, или же именно он упомянут Вильянуэвой? Я считаю, что первая половина свода (до 984 г.) создается до середины – второй половины XI в. Текст прерывается на 984 г. с утратой интереса или со смертью составителя, и возврат к нему происходит спустя столетие (что вполне соотносится с историей пополнения *Вторых Рипольских анналов*). Такая датировка значительно ближе и к сохранившимся описаниям кодекса, в котором предположительно находились *Первые Рипольские анналы*. Вильянуэва описал ms.19 из каталога Рипольских рукописей³³, составленного директором Архива Арагонской Короны П. де Бофарулем-и-Маскаро: манускрипт конца XI – нач. XII в., который содержит мартиролог, книгу о Пасхальном цикле, таблицы исчисления и хронику³⁴. Более обширное описание Б. Риваса также вполне соответствует предлагаемой мною новой датировке: «прекрасный кодекс из больших листов пергамена с деревянным переплетом. Наполовину романские, наполовину готические буквы, XI век»³⁵. Хотя сам Бо-

³² Salrach 1995. P. 24.

³³ Códices manuscritos de Ripoll 1931. P. 16.

³⁴ Villanueva 1821. T. VIII, P. 55-56.

³⁵ Martínez Diez 1969. P. 333.

фаруль-и-Маскаро говорит о X–XI вв.³⁶, объективность его оценки вызывает сомнения. Будучи политически ангажирован (свою работу он посвятил королю Испании Фердинанду VII), он также обвинялся в фальсификации исторических источников³⁷.

Сложно отследить момент попадания текста в Риполь из Куши, но наличие связей между монастырями, а также примеры других летописных сводов *Рипольской семьи* доказывают, что такое перемещение и продолжение на новом месте спустя продолжительное время не представляет собой ничего необычного. Новый виток дополнения *Первых Рипольских анналов*, когда вносится часть за конец X – XI в., относится уже к середине XII в., когда источник становится более пространным и начинает сообщать все больше сведений различного характера, связанных уже не только со смертями правителей. В этот момент глоссаторами вносятся и дополнительные сведения о Риполе, о которых говорит Ж. Вильянуэва, а также записи о событиях после 984 г.

В следующей части текста любопытен факт двойного упоминания похода на Майорку Рамона Беренгера III: в записях от 1113 г.³⁸ и от 1140 г.³⁹ Первая дата близка к реальной (1114–1115), а вторая ошибочна, что также свидетельствует в пользу их ретроспективного внесения в свод *Первых Рипольских анналов*. В данном случае опять встает вопрос, кому следует приписать эту ошибку: средневековому писцу или Вильянуэве. Но здесь, в отличие от записи о первом крестовом походе, вместе с походом на Майорку упоминаются и другие события, произошедшие в начале 1100-х гг., что говорит о том, что ошибка связана именно с пересчетом и точно не случайна. Однако в силу доводов, изложенных выше, сложно найти аргументы в пользу ответственности Вильянуэвы за эту ошибку: работая с хронологической таблицей, он не мог внести не по порядку запись, удаленную от этого места в пасхальной таблице. При правильной датировке запись о походе на Майорку и записи 1140-х гг. должны были быть разделены в таблице десятком других. Это свидетельствует в пользу ошибки именно писца, который работает уже в конце XII в., т.е. минимум через 25–30 лет после 1140 г.

Впрочем, стоит отметить, что ввиду гибели манускрипта и мои предположения сугубо гипотетичны. Их значение в другом: в необхо-

³⁶ de Bofarull y Mascaró 1836. V. 1, P. III.

³⁷ Ubieto Arteta 1987. P.7ss.

³⁸ Annals de Ripoll I, Anno MCXIII. Hoc anno intravit comes Raymundus cum Pisis Maioricis. Pisani magna vi navium Hispania intrant.

³⁹ Anno MCXXX. Comiti Barchinonensi Provinciae ducatus datur et Bisulduni comitatus, et regi Aragonensis imperium Tolete... Raymundus, dux Provinciae et comes Barchinonensis, cum Pisis Maioricis intrat. Maobitae, indignati huius rei causa, Barchinonam venerunt. A Cervaria usque ad prefatum civitatem cuncta perderunt et vastarunt. Post hoc, <de> a paucis devicti, praelio occiduntur in loco qui dicitur Martorell.

димости обратить внимание на сложившийся в каталонистике консенсус относительно «рождения» местной истории, который весьма удобно совпадает и с датой «независимости» графства Барселонского.

Как было отмечено мною выше, Сальрак считает, что *Первые Рипольские анналы* обладают определенной идеологической программой, транслирующей идею передачи власти в регионе: от римских императоров – к франкским королям, от последних – к каталонским графам. Но факт датировки текста концом X в. предполагает, что и сам замысел, и эту программу, следует датировать временем правления Борреля II. Таким образом, получается, что уже во времена упомянутого графа проводится политика сознательного дистанцирования от Франкского королевства и выдвигается, пусть и имплицитно, идея о получении каталонскими графами права на власть от франков. Рассмотренная в данном свете гипотеза Сальрака, по сути, мало чем отличается от продвигаемой Зиммерманом идеи о радикальном сломе в сознании местной власти после 985–988 гг. и о переориентации ее самосознания в русло «независимости» от франков.

Последним графом, утверждённым франкским королем на власть был Вифред Волосатый (870–897). К середине X в. реальные контакты с Франкским королевством, по сути, поддерживались лишь некоторыми монастырями, обращающимися за подтверждением собственных привилегий. Графства же коллективно управлялись потомками Вифреда Волосатого. Дистанцирование давно уже стало свершившимся фактом. Внешняя политика Барселоны в тот момент в значительно большей степени ориентирована на Кордову, чем на Франкское королевство, о чем свидетельствуют посольства, отправленные Боррелем II в 971 и 974 гг. Кризис в халифате и поход аль-Мансура временно подтолкнули графа Барселонского к возобновлению отношений с севером в 985 г., но со стороны франков следует символическое молчание. Поэтому идея о «независимости» графства Барселонского от власти Франкского королевства в связи с отсутствием вассальной присяги Борреля II в настоящий момент значительно пересмотрена. Территория современной Каталонии де-факто контролировалась Барселонским домом автономно от франков задолго до этого символического события.

При этом связка титула с территорией, управляемой графом, возникает в документах только в 1010–1020 гг.⁴⁰ До того существуют лишь конгломераты графств с весьма размытыми границами, управляемые совместно братьями и другими родственниками. Это заметно и по тексту анналов: первым графом, домен которого указан, является именно Боррель II, запись о котором (993 г.) внесена уже на втором этапе заполнения свода. Эта деталь могла бы стать косвенным свидетельством

⁴⁰ Zimmermann 2003. V. 2. P. 1002.

датировки *Первых Рипольских анналов*, но в тексте *Вторых Рипольских анналов* заметна та же тенденция: лишь у Олибы Кабрета (990 г.) появляется упоминание домена. Скорее можно предположить, что умолчание о контролируемой графом территории связано с размытостью политического пространства до конца X в. даже для монахов Риполя, которые считаются хранителями семейной памяти о Барселонском доме. Так, сам Сальрак отмечает отсутствие сведений о графах Пальерса, Рибаторсы, Русильона и Ампурияса в ранних записях анналов *Рипольской семьи*, оговариваясь, что они не интересовали летописца в силу того, что у него не было такого же восприятия Каталонии, которое есть у нас. Однако не впадает ли он в анахроническое предвосхищение Каталонии, когда делает акцент на том, что у средневекового летописца другое восприятие политического пространства? Да и можно ли отнести молчание о соседних графствах на счет отсутствия интереса, или же оно объясняется тем, как удалены уже события X века от летописца?

По-видимому, записи анналов о событиях до конца X в. создаются еще до составления «Деяний графов Барселонских» (1184–1196), которые уже четко разбиты по линиям и организованы по принципу семейств – ответвлений потомков Вифреда Волосатого, правящих в Безалу, Сердани, Уржеле и Барселоне. Такая организация, несомненно, была возможна только на этапе окончательно распада Барселонского дома на несколько ветвей и закрепления за ними власти на определенных территориях. В связи с этим неясно, насколько идеологическая программа, выраженная в тексте *Первых Рипольских анналов*, могла быть реально создана в конце X в. На мой взгляд, она больше соответствует XI веку, разгару феодальных войн в каталонских графствах и эпохе передела власти между линиями, необходимости для них обозначить свои права, показать «генеалогию» власти. В любом случае, сопоставление декларируемой графами Барселонскими политической программы и ранних местных исторических сочинений остается задачей, требующей более внимательного анализа, невозможного в рамках данной работы.

Интересно также провести параллель с текстами, предположительно современными *Первым Рипольским анналам*. Одним из первых свидетельств интереса к описанию прошлого в каталонских графствах считается список франкских королей, составленный епископом Жироны Готмаром (940–951) около 940 г. для будущего халифа Кордовы Аль-Хакама II (961–976). Сохранился только его арабский вариант, который представляет собой простой перечень франкских королей от Хлодвига до Людовика IV (936–954). Другой список подобного рода, на латинском языке, был создан около 990 г. в Роде (РАН, MS 78). Он считается древнейшим латинским перечнем франкских королей. Обычно такие списки рассматривают как памятники, близкие к историописанию ввиду их интереса к прошлому и хронологии. Нетрудно заме-

тить, что эти первые свидетельства исторической памяти в регионе контрастируют с *Первыми Рипольскими анналами* – гораздо более сложным по своему замыслу и композиции сочинением.

По всей видимости, в конце X века еще не сложилась потребность в подробной фиксации прошлого и объяснения через него настоящего. Несмотря на то, что у летописцев из Риполя были примеры подобных сочинений (например, Библия), составление собственного нарратива подобного плана не представлялось им необходимым. Каждый жанр имеет свою функцию и свою роль. Для отстаивания политических притязаний и защиты интересов собственности общественные группы прибегают к разным формам знания о прошлом, и далеко не всегда это знание понятно и доступно современному исследователю. Напротив, довольно часто их развитие мыслится простой эволюционной последовательностью от наиболее «примитивных» (погодные записи, списки правителей) к развитым (истории) образцам исторической рефлексии. Но различия в жанрах объясняются не степенью зрелости исторического воображения, не ступенчатым восхождением от низших форм рефлексии к высшим жанровым образцам, а целями, которые ставят перед собой летописцы. Это подтверждается, на мой взгляд, и тем обстоятельством, что типологически сходные нарративы во многих обществах нередко ведутся параллельно друг другу. Летописные своды часто пишутся в одно и то же время, а хроники продолжают одна другую. И далеко не всегда создание исторического сочинения обеспечивает ему известность, востребованность и воспроизводство в интеллектуальных кругах. В связи с этим, для понимания и концептуализации исторических сочинений прошлого необходим анализ их в контексте времени и интересов конкретных социальных групп, которые занимаются историзацией прошлого, решая современные им политические задачи.

Итак, в современной науке идея о «рождении истории» в Каталонии в связи с созданием *Первых Рипольских анналов* считается неоспоримой. Даже несмотря на то, что гипотеза о «независимости» каталонских графств после событий 985–988 гг. была серьезно пересмотрена, текст *Первых Рипольских анналов* всё ещё считается творением X века. Эта удревленнная датировка подкрепляется как гибелью оригинала, так и многовековой исследовательской традицией каталонской историографии. Моей целью здесь было не только пересмотреть общепринятую датировку и отодвинуть момент складывания каталонского историописания в XI век. Я также стремилась показать, как желание связать возникновение историописания с «обретением» политической субъектности, «независимой» власти, помысленной в категориях новоевропейского национализма, способно преодолеть все препятствия историко-ведческого характера в претензии на то, чтобы поставить точку в вопросе о «рождении истории» в Каталонии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники

- Códices manuscritos de Ripoll: el inventario de 1823 de Próspero de Bofarull. Ed. Valls i Taberner F. Madrid, 1931. 52 p.
- de Bofarull y Mascaró P. Los condes de Barcelona vindicados, 2 vols. Barcelona, 1836.
- Els annals de la família rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. Valencia: Universitat de València, 2012. 239 p.
- Martínez Díez G. Dos Catálogos inéditos de la Biblioteca del monasterio de Ripoll // Hispania sacra, 1969, № 22, P.333-423.
- Villanueva J. L. Viage literario a las iglesias de España. Madrid, 1803-1852. 22 vols.

Литература

- Варьяш И.И. К вопросу о роли исторического сознания на рубеже XX–XXI вв.: полемика с Л.П. Репиной // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 308-323 [Var'yash I.I. K voprosu o roli istoricheskogo soznaniya na rubezhe XX–XXI vv.: polemiziruya s L.P. Repinoj // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 308-323.]
- Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э. М.: Наука, 1993. 339 с. [Vejnberg I.P. Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke sereдины I tysyacheletiya do n.e. M.: Nauka, 1993. 339 s.]
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 689 с. [Gimon T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevnej Rusi: sravnitel'noe issledovanie. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 689 s.]
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2006. 768 с. [Istoriya i pamyat': istoricheskaya kultura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. 768 s.]
- Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский: ИВИ РАН, 2010. С. 14-27 [Mereminskij S.G. Ponyatie «istoriopisanie», ego sodержanie i granicy // Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisanie / Отв. red. M.S. Bobkova, S.G. Mereminskij: IVI RAN, 2010. S. 14-27]
- Мереминский С.Г. Формирование традиции. Английское историописание второй половины XI – первой половины XII в. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 496 с. [Mereminskij S.G. Formirovanie tradicii. Anglijskoe istoriopisanie vtoroj poloviny XI – pervoj poloviny XII v. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. 496 s.]
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2006. С. 19-46 [Repina L.P. Pamyat' i istoriopisanie // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kultura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. S. 19-46]
- Филиппов И.С. Анналы Сен-Виктор-де-Марсель: история текста // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / под ред. М.С. Бобковой. М., 2011. С. 140-158 [Filippov I.S. Annaly Sen-Viktor-de-Marsel': istoriya teksta // Lyudi i teksty. Istoričeskij istočnik v social'nom izmerenii / pod red. M.S. Bobkovoј. M., 2011. S. 140-158]
- Aurell J. Authoring the Past: History, Autobiography, and Politics in Medieval Catalonia. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2012. 315 p.
- Bautista F. Breve historiografía: Listas regias y anales en la Península Ibérica (Siglos VII-XII) // Talia Dixit 4, 2009. P.113-190.
- Bautista F. Jerónimo Zurita y unos nuevos Anales de Ripoll hasta 1222: edición y estudio // e-Spania [Интернет-ресурс], 27 juin 2017. URL: <http://e-spania.revues.org/26820> (Дата обращения: 11.09.2018).
- Bisson T.N. Unheroed Past: History and Commemoration in South Frankland before the Albigensian Crusades // Speculum. Vol.65, № 2, 1990. P. 281-308.
- Cingolani S. M. Annals de Ripoll I, anys 27-1191 // Els annals de la família rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. Valencia: Universitat de València, 2012. P.23-33.

- Idem. Introducció general als annals de la familia rivipullense// Els annals de la familia rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. Valencia: Universitat de València, 2012. P.11-22.
- Coll i Alentorn M. La historiografia de Catalunya en el període primitiu// Estudis Romanics, III, Barcelona, 1951-1952, P.139-199.
- Dufour J. La bibliothèque et le scriptorium de Moissac. Centre de recherches d'histoire et de philologie de la IVe section de l'Ecole pratique des hautes études. V. Hautes études médiévales et modernes, 15. Geneva and Paris: Droz, 1972. 184 p.
- McCormick M. Les Annales du haut Moyen Âge. Typologie des Sources du Moyen Âge Occidental: Fasc.14. Turnhout: Brepols, 1975. 58 p.
- Salrach J.M. Contribució dels monjos de Ripoll als orígens de la historiografia catalana: els primers crònics// Art i cultura als monestirs del Ripollès. Barcelona: Associació dels monestirs del Ripollès. Publicacions de l'abadia de Montserrat, 1995. P.17-35.
- The Crown of Aragon: A Singular Mediterranean Empire. Ed. Sabatè F. Leiden, Boston: Brill, 2017. 578 p.
- Ubieto Arteta A. Creación y desarrollo de la Corona de Aragón, Zaragoza, 1987. 395 p.
- Zimmermann M. Écrire et lire en Catalogne [ixe-xiie siècle]. 2 Vols. Madrid: Casa de Velázquez, 2003. 1403 p.
- Zimmermann M. La prise de Barcelone par Al-Mansfr et la naissance de l'historiographie catalane // L'historiographie en Occident du Ve au XVe siècle. Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest 1980, №87. P.191-218.

Белимова Антонина Александровна, аспирант, кафедра Истории Средних веков, МГУ им. М.В. Ломоносова, antonina.belimova@gmail.com

The birth of history in Catalonia: a fate of one burnt manuscript

This article considers a problem of dating of the First Annals of Ripoll which are traditionally deemed to be the ancient local historical narrative by the Catalan historians. Author shows a tendency of national historiography to understate the possible chronological framework of its composition, and proves this tendency contradicts historiographic analysis of the text.

Keywords: medieval Catalonia, The First Annals of Ripoll, Alterum chronicon Rivipullense, the writing of history, the monastery of Ripoll

Antonina Belimova, postgraduate student, Department of History of the Middle Ages, Lomonosov Moscow State University, antonina.belimova@gmail.com